

169 — 184 IV т. сочинений Гегеля въ изд. Лассона; а вторая III-го тома того же изданія страницъ 67, 95 и слѣд., 98 и слѣд., 104 и слѣд., при этомъ вмѣсто напечатаннаго «Das Sein» нужно читать «Dasein», а вмѣсто «R. и N.» — «Q. и N.» — сокращеніе «Qualität und Negation»).

Г-жа Горбачева, м. б., не желая повторять фактовъ доступныхъ читателю изъ другихъ источниковъ, обходитъ въ книгѣ молчаніемъ весь матеріалъ, изданный Корниловымъ въ «Годахъ странствій Мих. Бакунина». Намъ представляется, что хотя бы краткія указанія были бы необходимы.

Повторяемъ еще разъ, что при всѣхъ своихъ недочетахъ и недосмотрахъ работа г-жи Горбачевой заслуживаетъ вниманія читателей, и какъ живо написанная страница изъ исторіи русскаго гегельянства, еще разъ напоминаетъ о необходимости опубликованія неизданныхъ тургеневскихъ матеріаловъ, лишь отчасти использованныхъ авторомъ.

П. П.

И. Пузино, Религіозныя исканія въ эпоху Возрожденія, I, Марсиліо Фичино, 1923. J. Pusino, Ficinos und Picos religiös - philosophische Anschauungen, Zeitschrift für Kirchengeschichte, XLIV Bd.

Русская историческая наука издавна влеклась къ Италиі, — Италиі времени «средневѣковья» (если только этотъ терминъ, вообще, приложимъ къ Италиі) и «Возрожденія», — быть можетъ инстинктивно и въ силу того, что насъ всегда тянетъ къ тому, чего въ насъ смикхъ нѣтъ. Русскій вкладъ въ науку объ Италиі очень великъ. Достаточно назвать имена Кудрявцева, Герье, И. М. Гревса, Виноградова, Корелина, Александра Веселовскаго, а изъ болѣе молодого поколѣнія уже покойныхъ В. Э. Крусмана, замѣчательная книга котораго объ англійскомъ гуманизмѣ имѣетъ громадное значеніе и для итальянскаго, и В. Н. Забугина, а также и нынѣ здравствующихъ Л. П. Карсавина и Н. П. Оттокара. Лишь очень немногое изъ этого вклада стало общевропейскимъ достояніемъ, ибо принятый на послѣднемъ передъ Войной всемірномъ конгрессѣ историковъ (по инициативѣ Н. М. Бубнова) принципъ, что русскій языкъ является однимъ изъ общенаучныхъ языковъ, остался и до сихъ поръ и, должно быть, надолго останется лишь благимъ пожеланіемъ. И. В. Пузано, одинъ изъ младшихъ представителей плеяды русскихъ *italianizzanti*, пишетъ свои изслѣдованія по русски и по нѣмецки. И. В. Пузино раздѣляетъ ту, въ настоящее время, кажется, завоевывающую себя господство, точку зрѣнія, по которой **сейчасъ** монографическое изслѣдованіе отдѣльныхъ сторонъ и представителей Ренессанса вальѣе опытовъ синтеза. Нельзя дать новый синтезъ, который бы замѣнилъ, такъ или иначе восполнивъ и выправивъ ее, установившуюся съ первой пол. XIX в «аульга-ту» о Ренессансѣ, безъ углубленія въ старые матеріалы и безъ привлеченія новыхъ. Работы Пузино всецѣло оправдываютъ его мнѣніе. Его изслѣдованіе о Марсиліо Фичино показываетъ въ Фичино живую ин-

дивидуальность, своеобразного мыслителя, а не просто «представителя религиозно-философской мысли Ренессанса», т. е. нѣкій знакъ, и не просто «популяризатора платонизма», какимъ Фичино обычно изображается. Столь же цѣнна его попытка возстановить духовный обликъ Пико дела Мирандола. Въ обоихъ случаяхъ авторъ совершенно правильно беретъ за рѣшеніе задачи, прослѣживая духовную эволюцію этихъ мыслителей: индивидуальность познается въ ея тенденціяхъ, т. е. въ движеніи. Конечно, никакое монографическое изслѣдованіе не мыслимо безъ какого-либо предварительнаго синтеза, безъ извѣстныхъ аргументовъ. Въ настоящее время, такой общей предпосылкой служить убѣжденіе, что между «Средневѣковьемъ» и «Возрожденіемъ» не было «пропасти», перерыва, что «антитеза» была продолженіемъ «тезиса». Вслѣдъ за рядомъ историковъ, отыскивающихъ, каждый по своему, тѣ или иные «моменты», характерные для «Средневѣковья», въ «Возрожденіи», ищетъ ихъ и И. В. Пузино. И онъ настаиваетъ на значительности **религіознаго** начала въ культурѣ Возрожденія, чѣмъ Возрожденіе и связуется съ «Средневѣковьемъ». По моему авторъ совсемъ безъ нужды доискивается какихъ-то «причинъ» этого во «внѣшней обстановкѣ», въ необезпеченности существованія въ Италіи XV в., въ тяжелыхъ и тревожныхъ политическихъ условіяхъ; все это объясненія, рѣшительно ничего не объясняющія, ибо сколько разъ оказывается, что ритмы «культуры» и «политики» не совпадаютъ. Дѣло въ томъ, что авторъ повидимому не вполне отрѣшился отъ представленія о «Возрожденіи», какъ о времени «по существу» все-же **безъ-религіозномъ**. Доминанта Возрожденія, по автору, — «міропріятіе», «міроутвержденіе», а это какъ будто обязательно должно сочетаться съ «язычествомъ» въ смыслѣ «безъ-религіозности». Проблема, на самомъ дѣлѣ, много сложнѣе. Я лично думаю, что въ основномъ правъ замѣчательный нѣмецкій изслѣдователь, Конрадъ Бурдахъ: «Возрожденіе» дѣлкомъ вышло изъ религіознаго подъема и углубленія религіозности въ XIII — XIV в. в. «Религіозныя исканія» не сводились **исключительно** къ исканію «разумной», т. е. «общечеловѣческой», или «естественной» религіи (Фичино), или совмѣщенія уже данной религіи съ новымъ міровоззрѣніемъ въ смыслѣ новаго отношенія къ «сему свѣту». Было и другое — исканіе **Бога**. Мистика можетъ привести къ «демонизму», къ «человѣкобожеству», и Пико близко подходилъ къ этому, чего авторъ, торопящійся показать **конечный** результатъ исканій Пико, не касается. **Этого** рода исканія имѣютъ мало общаго съ той «любовью къ природѣ», которую авторъ считаетъ доминантой Ренессанса. Скажу кстати, что тѣ данныя, которыя онъ приводитъ въ этой связи, не показались мнѣ достаточно убѣдительными, а ихъ разработка — методологически безукоризненной. Цитируемые авторомъ мѣста изъ памятниковъ поэзіи XV в., показались мнѣ просто общими мѣстами, какъ античной, такъ и **средневѣковой** литературы. Авторъ предвидитъ, что соотвѣтствующій вопросъ можетъ быть поставленъ, но только голословно отводитъ его. Для доказательства ему потребовался бы подробный филологическій анализъ. Возможно, что онъ и продѣлалъ его для себя, но для насъ неясность остается. Впрочемъ,

думается, что суть проблемы лежит не въ этомъ. И «средневѣковье» не обезцѣнивало «міра» въ томъ смыслѣ, что отрицало его прелесть. Не было бы аскезы, т. е. усилія, въ отвращеніи отъ **непривлекательнаго міра**, а, значить, не было бы и — **заслуги**. «Чувство природы», любовь къ природѣ, были не чужды и Средневѣковью, о чемъ имѣются спеціальныя изслѣдованія, но **пантеистическая** струя начинаетъ пробиваться замѣтно только со времени Ренессанса. Подчеркиваю, что мои разногласія съ И. В. Пузино касаются только самыхъ общихъ и весьма спорныхъ вопросовъ и что центръ тяжести его интереснѣйшихъ изслѣдованій лежитъ не въ этомъ, а въ изображеніи отдѣльныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ религіозно-философской мысли Ренессанса, въ интенсивномъ использованіи памятниковъ, давно извѣстныхъ, но до сего времени оцѣнивавшихся слишкомъ суммарно, и притомъ съ предвзятыхъ точекъ зрѣнія.

П. Бицкели.

Николай Оцупъ: Въ дыму. — Изд. Петропольск. — 1926.

Формалисты, несомнѣнно, сумѣли-бы стихи Оцупа подвергнуть «формальному» анализу и открыли-бы такимъ способомъ его «приемъ», изъ котораго затѣмъ «вывели»-бы уже и всю его поэзію. И несомнѣнно со своей точки зрѣнія они были-бы правы. Въдѣ всякое художественное творчество, дѣйствительно, можно изобразить такъ, какъ если-бы оно сводилось всецѣло къ использованію «приема». То же, что этимъ за послѣднее время такъ увлеклись, объясняется, я думаю, отнюдь не только тѣмъ, что, такимъ образомъ, критика обрѣла для себя неуязвимую почву, стала «чистой» наукой, вродѣ математики, отъ которой, кажется, еще не требуютъ «классоваго подхода» (въдѣ классической страной «формализма» является именно нынѣшняя Россія). Конечно, въ значительной долѣ «формализмъ» есть плодъ приспособленія къ «обстоятельствамъ». Но не въ меньшей степени онъ и порожденіе современной художественной литературы, произведенія которой слишкомъ часто кажутся «практическими упражненіями по теоріи словесности». Въ этомъ отношеніи стихи Оцупа доставляютъ то — большое — удовольствіе, что никакой «приемъ» изъ нихъ не выираетъ и что «формализму» здѣсь поживиться нечѣмъ. Само собою разумѣется, что намегазшійся формалистъ и тутъ-бы усмотрѣлъ «приемъ» (приемъ отказа отъ всякихъ «приемовъ») — и былъ бы правъ. Очевидно, у Оцупа, какъ у всякаго поэта, есть своя — сознательная или бессознательная — поэтика; — и отчасти она выясняется, если читать его стихи, напечатанные въ его сборникѣ «Въ Дыму», подрядъ, начиная съ болѣе раннихъ (слабыхъ) и кончая стихами 1925 — 6 годовъ, — превосходными. Выясняется, по крайней мѣрѣ, его поэтическая тенденція, — усиліе освободиться отъ «литературы», которой, послѣ art poétique Верлена, въ силу слишкомъ усерднаго слѣдованія его правиламъ, сдѣлалось все то, что онъ въ качествѣ «истинно-поэтическаго» («музыки»), противопоставляетъ «литературѣ». Но послѣ освобожденія отъ «литературы», что осталось у Оцупа? Чѣмъ такъ хороши его хорошіе стихи, гдѣ уже усилія нѣтъ,—